

Q 721725 -1

На правах рукописи

САВЕЛЬЕВ Дмитрий Леонидович

**ФОРМИРОВАНИЕ
СИСТЕМЫ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
КУЛЬТУРОЙ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В 1917–1920-х ГОДАХ
(на материалах Тюменской губернии)**

07.00.02 — Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Тюмень 2001

Работа выполнена на кафедре отечественной истории Тюменского государственного университета

- Научный руководитель:** доктор исторических наук,
профессор **Н. П. Носова**
- Официальные оппоненты:** доктор исторических наук,
профессор **М. Е. Главацкий**
кандидат исторических наук,
доцент **Н. Ю. Гаврилова**
- Ведущая организация:** Челябинский государственный университет

Защита состоится «23» мая 2001 г. в 14.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212. 274. 04. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Тюменском государственном университете по адресу: 625003, Тюмень, ул. Перекопская, 15а, ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета

Автореферат разослан «20» апреля 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

Петрова В. П. Петрова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ

0000977438

0721725-1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

ИСПОЛНЕНИЕ
2007 г.

Актуальность темы исследования. Современная Россия переживает сложный процесс становления новой государственности. Кардинальные изменения, которые происходят в жизни страны, затронули все слои общества, общественные институты, систему управления, экономику, культуру. Происходит стремительная переоценка ценностей, ранее считавшихся незыблемыми. Процесс демократизации общества, наряду с позитивными изменениями, вызвал к жизни центробежные силы, действующие на основе идей национального и регионального сепаратизма. Общество, став более открытым, признав реальную значимость таких понятий как свобода слова, не смогло, тем не менее, преодолеть существовавший в период тоталитаризма разрыв между моралью и правом, идеологическими установками и реальными действиями правящих кругов. Очевидная ущербность проектов переустройства России, предлагаемых представителями различных политических сил, в значительной степени обусловлена искаженным пониманием места и роли культуры в политической системе общества. В этой связи, лишь переосмысление истории культуры страны, переоценка ее роли в процессе политической стабилизации и достижении гражданского согласия, позволит сформировать фундамент духовного возрождения российских народов.

Неоценимым, на наш взгляд, представляется положительный исторический опыт по управлению культурной сферой, накопленный за прошедшие десятилетия. Изучение системы управления культурой, особенно местного уровня, позволяет выработать стратегию ее дальнейшего развития на основе детального анализа допущенных просчетов и ошибок. Теоретическое осмысление деятельности государственных органов власти и общественных организаций, занимавшихся координацией деятельности учреждений культуры, может оказаться полезным при решении задач, стоящих перед российским обществом в настоящем.

Историография. Обращаясь к историографии вопроса, следует отметить значительный интерес к вопросам культурного строительства со стороны специалистов различных областей знаний. Однако, специальные работы, посвященные формированию местных органов управления культурой в рассматриваемом нами регионе, отсутствуют.

Среди первых исследований, появившихся в 1920–30-е годы и посвященных вопросам управления культурной сферой, следует отметить работы Е. Н. Медынского, А. Г. Кравченко, Д. Ю. Элькиной, А. А. Ширямова¹. Однако, эти работы в полной мере отнести к исследовательским нельзя. Они представляют определенный интерес, поскольку являются первыми попытками описания и анализа деятельности государственных и партийных органов в сфере культурных преобразований в советской России, но написаны людьми, непосредственно работавшими в сфере культуры, и содержат не всегда объективный анализ описываемых явлений.

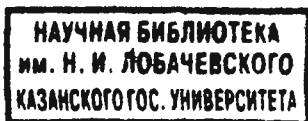
Характерна в этой связи работа Е. Н. Медынского. Автор попытался охарактеризовать деятельность просветительных учреждений Российской Федерации за период с 1917 по 1920 годы. Однако проведенное исследование носило поверхностный характер и не раскрывало сущности и всего содержания работы политико-просветительных учреждений и деятельности властных органов по управлению ими.

В 1930–40-е годы практически не было публикаций, специально посвященных проблемам культурной и политико-просветительной деятельности государственных органов власти. Исключение могут составить лишь исследования Л. М. Ивановой, Н. А. Константинова, в которых были проанализированы вопросы повышения грамотности населения². Особое место занимает работа Л. С. Фрида³, в которой впервые был введен в научный оборот большой фактический материал, в сжатом виде показана история центральных органов управления культурно-просветительной сферой, основные направления их деятельности. Однако автор не достаточно полно использовал архивные источ-

¹ Медынский Е. Н. Внешкольное образование в РСФСР: Стат. Обзор по данным Центрального статистического управления и Информационно-статистического отдела Наркомпроса. М., 1923; Он же. Классовая борьба и воспитание. М.; Л., 1931; Кравченко А. Г. Самообразование в СССР: Сб. статей и докладов. М.; Л., 1926; Ширямов А. А. Изба-читальня и батрачество: Сб. статей. М., 1927; Он же. Политико-просветительная работа и культурная революция. М., 1930; Элькина Д. Ю. Единый план культурного строительства. М.; Л., 1930.

² Константинов Н. А., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948; Иванова Л. М. Что сделала Советская власть для ликвидации неграмотности среди взрослых. М., 1949.

³ Фрид Л. С. Очерки по истории развития политико-просветительной работы в РСФСР (1917–1929 гг.). Л., 1941.

ники, не избегал использования в своих комментариях о кадровых вопросах жестких и однозначных оценок в духе своего времени.

Со второй половины 50-х годов, отмечается повышение исследовательского интереса к отдельным вопросам культурного строительства: культурно-просветительной работы, истории ликвидации неграмотности, школьного, библиотечного, музейного дела. Центральное место в ряду работ, посвященных некоторым отдельным проблемам, занимают труды М. С. Андреевой, Т. А. Ремезовой и других историков⁴. Благодаря их изысканиям уже к середине 1960-х годов, круг публикаций по проблемам культурного строительства заметно расширился. Это позволило не просто охватить широкий круг проблем советской культуры, но и обратиться к постановке методологических вопросов ее истории.

Ведущее место в разработке проблем истории советской культуры занимают труды академика М. П. Кима⁵. В значительной мере именно его трудами история советской культуры превратилась в самостоятельную отрасль исторического знания со своим предметом исследования, своей тематикой, методикой, сложившимся корпусом источников. М. П. Ким обосновал взгляд на культуру как на целостный конкретно-исторический процесс, качественно характеризующий общество.

С середины 1960-х годов начинается изучение важной проблемы складывания и развития системы государственного, партийного, общественного руководства культурой, механизма взаимодействия ее составных частей⁶. Более глубокое исследование этих вопросов

⁴ Андреева М. С. Политико-просветительная работа в деревне в конце восстановительного периода (1924–1925 гг.): Лекции для студентов библиотечных ин-тов по курсу «История культпросветработы». М., 1953; Она же. Политико-просветительная работа в начале восстановительного периода (1921 – 1923 гг.): Лекции для студентов библиотечных ин-тов по курсу «История культпросветработы». М., 1955; Ремезова Т. А. Культурно-просветительная работа в РСФСР (1921–1925 гг.). М., 1962; Медынский Е. Н. Просвещение в СССР. М., 1955; Фрид Л. С. Основные принципы культурно-просветительной работы в СССР. М., 1954.

⁵ Ким М. П. Коммунизм и культура. М., 1961; Он же. О некоторых аспектах культурной революции и особенностях советского опыта ее осуществления: Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. Москва, 16–23 авг. 1970 г. М., 1970.

⁶ Смирнов И. С. В. И. Ленин и руководство делом народного образования. (К истории реорганизации Наркомпроса в 1920–1921 гг.) // В. И. Ленин и проблемы народного образования. М., 1961. С. 221–143; Кейрим-Маркус М. Б. Государственная комиссия по просвещению (1917–1918 гг.) // История СССР. 1969. № 6. С. 123–135.

было предпринято в 1970–80-е годы⁷. Особое место среди работ, посвященных формированию органов государственного руководства культурой, занимают исследования М. Б. Кейрим-Маркус. На основе широкого круга архивных материалов автор воссоздает деятельность центрального аппарата управления культурой, уделяя особое внимание анализу организационных принципов его построения.

Несомненный интерес в этой связи представляют работы по теории и практике партийного руководства культурным строительством, в которых анализируется система партийного и государственного управления культурой, определяется ее роль в создании материально-технической базы, в подготовке кадров, в развитии самостоятельного творчества⁸.

Видное место среди исследователей, работавших в данном направлении, принадлежит В. Г. Чуфарову⁹, М. Е. Главацкому¹⁰, которых сегодня, по праву, можно назвать одними из признанных авторитетов в области разработки проблем культурных преобразований на Урале в 1920–30-е годы. Используя широкий круг источников, они подвергли глубокому и всестороннему анализу работу партийных организаций по проведению культурно-просветительных мероприятий на Урале, рассмотрели место и роль партийных структур в вопросах кадровой политики, затронули

⁷ Литвинов Л. Ф. Совершенствование структуры Наркомпроса РСФСР в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Вестник Московского ун-та Сер. 12. Право. 1976. № 4. С. 45–49; Шейко В. Н. Организация государственного руководства культурным строительством в период первой пятилетки. Харьков, 1971; Кейрим-Маркус М. Б. Государственное руководство культурой. Строительство Наркомпроса (ноябрь 1917–сер. 1918 гг.). М., 1980; Коржихина Т. П. Общественные организации в СССР, 1917–1936 гг. (Профсоюзы и интеллигенция). М., 1984; Штамм С. И. Управление народным образованием в СССР (1917–1936 гг.) (Историко-правовое исследование). М., 1985.

⁸ Карпов Г. Г. Партия и культурная революция в СССР. М., 1957; Андреева М. С. Коммунистическая партия — организатор культурно-просветительной работы в СССР (1917–1933 гг.). М., 1963; КПСС во главе культурной революции в СССР. М., 1972; Красильников Ю. Д. Партийное руководство учреждениями культуры. М., 1979; Куликов К. И. Партийное руководство культурно-просветительной работой. М., 1980.

⁹ Чуфаров В. Г. От неграмотности к вершинам культуры. Свердловск, 1963; Он же. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.). Свердловск, 1970.

¹⁰ Главацкий М. Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926–1936 гг.). Свердловск, 1974.

проблему «перевоспитания» и привлечения к работе «представителей буржуазной интеллигенции».

Рассматривая деятельность партийных организаций в культурно-просветительной сфере, привлекая, как правило, добротный фактический материал, некоторые авторы были склонны выдавать желаемые достижения за действительные¹¹. Негативные моменты в работе партийных организаций выдавались за редкие, исключительные явления. В части работ отсутствует анализ проблем, с которыми приходилось сталкиваться партийным органам, в руководстве учреждениями культуры. Подтверждая приоритет партийных структур в области идеологии, авторы не ставили перед собой задачи проследить их взаимодействие с государственными органами власти.

Своеобразным подведением итогов по изучению проблем культурного строительства к началу 1980-х годов стала работа Л. М. Зак¹². Главным объектом историографического анализа автором были избраны вопросы связанные с освящением отечественными историками ленинской концепции культурного строительства. Кроме этого, важное место в работе отведено рассмотрению исследований, посвященных основным вопросам формирования и деятельности органов государственного управления культурой. Однако, на наш взгляд, автор недостаточно критически оценивает результаты анализируемых исследований. Выделяя положительные моменты и акцентируя внимание читателя на несомненных достоинствах работ, Л. М. Зак практически ничего не говорит об их недостатках. Тем самым, она невольно продолжает сложившуюся в советской историографии традицию, рассматривать культурное строительство как поступательное движение, колоссальный прорыв в области «общего культурного уровня граждан, осуществленного на базе марксизма-ленинизма».

Начиная с 1960-х годов, значительный вклад в изучение процессов культурных преобразований вносят сибирские историки.

¹¹ См. например: Олин В. М. Деятельность партийных организаций Южного Урала по развитию культурно-просветительных организаций. Свердловск. 1980; Хлебникова Н. Я. Партийное руководство развитием библиотек в Восточной Сибири и повышение их роли в идейно-политическом воспитании трудящихся. Иркутск. 1982.

¹² Зак Л. М. История изучения советской культуры. М., 1981.

Так, к работам общеисторического плана, содержащим материал о культурном строительстве в Сибири в годы революции, гражданской войны, НЭПа, периода восстановления народного хозяйства относятся исследования В. Л. Соскина¹³. Используя богатый фактический материал, автор предпринял удачную попытку рассмотреть процесс формирования советской культуры с позиции общетеоретического осмысления. Обращаясь в своих трудах к начальному этапу создания и функционирования органов руководства культурой, автор, к сожалению, не уделяет должного внимания анализу их развития в последующие годы.

К сожалению, сибирские историки не уделяли должного внимания вопросам формирования системы управления образованием и культурно-просветительной деятельностью советских и партийных органов власти. Анализ системы государственных органов управления культурой, носит, как правило, поверхностный характер и не становятся предметом самостоятельного изучения. Первой, и на наш взгляд, весьма удачной попыткой анализа системы управления культурно-просветительной деятельностью в Сибири стали исследования Н. М. Горшкалевой¹⁴. В своих работах она дала развернутую характеристику основным этапам формирования системы руководства культурно-просветительной сферой, основным организационным формам массовых учреждений культуры, их функциям и системе взаимосвязи.

Исследования 1960–1980-х годов, несмотря на некоторую идеологическую ангажированность, значительно обогатили и расширили данные исторической науки по проблемам культурных преобразований, которые протекали в первые десятилетия советской власти. Несомненные достижения ученых в выработке

¹³ Соскин В. Л. Культурная жизнь в первые годы новой экономической политики (1921–1923 гг.). Новосибирск. 1971.; Он же. Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск. 1973; Он же. Революция и культура. Историко-теоретический аспект (1917–1920 гг.). Новосибирск. 1994.

¹⁴ Горшкалева Н. М. Из истории создания культпросвет учреждений в период «военного коммунизма» (конец 1919–начало 1921 г.) // Социалистические преобразования в экономике и культуре Западной Сибири. Тюмень, 1977; Она же. Формирование советской системы культурно-просветительной работы в Сибири (1919–1929 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1981; Она же. Изучение культурно-просветительной работы как системы // Системный подход в изучении социалистической культуры. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1985.

новых подходов при систематизации конкретных фактов, привели к разработке новых тематических направлений. Вместе с тем, тенденция к рассмотрению проблем культурной политики в масштабах всей страны, приводила к тому, что региональный аспект оставался в тени.

Новыми подходами к изучению проблем культурных преобразований в советской России отличаются исследования 1990-х годов. В них усилилось внимание к понятийному аппарату, критике сложившихся стереотипов. Претерпел определенные изменения и характер историко-партийных изысканий. Они отличались более современным подходом к изложению и интерпретации фактов¹⁵. Вопросы становления механизма политической власти в СССР, принципов принятия и осуществления политических решений, в том числе и в сфере культуры, стали предметом целого ряда публикаций¹⁶. Рассматривая развитие тенденции на смещение властных функций от советов и их исполкомов к партийным комитетам, что фактически означало «выхолащивание советской власти», авторы приходят к выводу, что партийные органы, подавив общество политически, почти не имели позитивных средств воздействия на его функционирование, кроме пропаганды.

В 1990-х годах возрос интерес к «локальным исследованиям», которые позволили не только по-новому взглянуть на механизм взаимодействия центральных и местных органов власти, но и выявить особенности реализации культурной политики в регионах.

Вопросам взаимоотношений центральных и сибирских органов управления культурой посвящены работы В. И. Шишкина и

¹⁵ Галин С. А. Исторический опыт культурного строительства в первые годы советской власти (1917–1925). М., 1990; Маслов Н. Н. Советское искусство под гнетом «метода» социалистического реализма: политические и идеологические аспекты (30–40-е гг.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 160–173; Гайдамакин А. В. Деятельность ВКП (б) по формированию сельскохозяйственной интеллигенции. 1927–1937 гг. На материалах Западной Сибири. Омск, 1997; Сошкин В. Л. Начальный этап формирования советской тоталитарной культуры (1917–1920 гг.) // История Сибири: человек, общество, государство: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1995. С. 17–41.

¹⁶ Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7; Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996.

С. А. Красильникова¹⁷. Используя богатый архивный материал, авторы приходят к выводам о существенном расхождении в том, как трактовали культурную политику административные элиты Москвы и провинции. Любые попытки политической элиты Сибири высказать свою позицию по какой-либо проблеме, мгновенно блокировались центральными органами РКП(б). Характер отношений, по линии «центр–провинция», по мнению С. А. Красильникова, в послереволюционный период, определялся наличием различных тенденций, где имело место и подчинение одних культурных систем другим, и их сочетание, «напластование».

Подводя итоги историографии проблемы необходимо отметить, что, несмотря на достигнутые успехи в изучении культурных преобразований, деятельности советских и партийных органов власти в области народного образования и культурно-просветительной сфере, вопросы формирования системы местных органов государственного управления культурой нельзя отнести к числу достаточно хорошо разработанных проблем. Такие важные вопросы как воздействие партийных структур на становление местных органов руководства, принципы их взаимодействия, взаимоотношения местных и центральных органов власти не получили достаточного освещения.

Цель и задачи исследования. Исходя из актуальности, степени изученности заявленной темы, автор диссертационного исследования поставил перед собой цель проанализировать процесс становления и развития местных органов управления культурой, выявив общее и особенное в их деятельности.

В качестве задач диссертационного исследования, в этой связи, можно выделить следующие: выявить этапы формирования органов управления культурой на территории Тюменской губернии, определить их место в партийной и советской системе руководства, изучить характер, формы и методы работы органов управления культурой в сфере ликвидации неграмотности и культурно-просветительной деятельности.

¹⁷ Красильников С. А. Культурное взаимодействие сибирской провинции и центра в 1920–1930-е гг.: некоторые итоги изучения проблемы // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика. Новосибирск, 2000. С. 32–40; Шишкин В. И. Москва–Сибирь: история взаимодействий (1917–1930 гг.) // История Сибири: человек, общество, государство: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1995. С. 41–75.

Хронологические границы исследования определяются периодом с октября 1917–до конца 1920-х годов, который является одним из наиболее сложных и противоречивых периодов в истории российского государства. Начальная граница работы определяется приходом к власти большевистской партии и началом создания совершенно новой системы органов управления, основанной на принципах большевистской идеологии. Конечная хронологическая граница исследования определяется реорганизацией в 1930 году Народного Комиссариата Просвещения, и, как следствие, всей системы управления культурой.

Территориальные рамки исследования очерчены границами Тюменской (Тобольской) губернии, учитывая все административно-территориальные изменения, которые происходили в течение 1920-х годов.

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертации на конкретном историческом материале рассматриваются этапы становления, развития и деятельности органов управления культурой на территории одного из крупнейших сибирских регионов. В работе пересмотрены масштабы достижений в сфере культурных преобразований. Впервые в научный оборот введены многочисленные архивные документы и материалы.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее выводы могут быть учтены в деятельности государственных, партийных и общественных организаций, при разработке региональной и общегосударственной политики в сфере культуры, способствовать развитию культурных процессов на современном этапе развития. Материалы диссертации могут быть использованы при создании обобщающих научных трудов по истории культурных преобразований в Сибири, очерков по истории Тюменского края, а также будут полезны для разработки спецкурсов и спецсеминаров по вопросам культурных преобразований в советской России.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма и научной объективности исследования, позволяющие представить исторические явления в процессе их развития и взаимосвязи. В ходе исследования применялись: сравнительно — исторический метод анализа, который позволил выявить основные закономерности формирования системы органов управления культурной сферой; системный подход, который дает возможность

рассматривать процессы культурного строительства как разносторонние, сложноорганизованные явления, формирование которых происходит под влиянием внутренних и внешних причин.

Источниковую базу диссертационного исследования составил широкий круг как опубликованных материалов, так и документов, хранящихся в фондах Тюменского областного центра документации новейшей истории, Государственного архива Тюменской области, Ишимского филиала Государственного архива Тюменской области, Государственного архива Свердловской области, Центра документации общественных организаций Свердловской области, которые были систематизированы в соответствии с их происхождением и характером содержащихся в них информации.

Политический курс центральных органов управления нашел отражение в законодательных актах, правительственных постановлениях, материалах законодательных органов, совокупность которых представляет другую важную группу источников. Документы этой группы опубликованы и доступны широкому кругу исследователей. Анализ этих публикаций позволяет более глубоко проникнуть в суть проводимой политики, выявить внутреннее содержание принимаемых решений, идеологическую основу тех или иных шагов руководства.

Исходя из темы исследования, большое внимание было уделено документам центральных и местных партийных органов РКП-ВКП(б), труды лидеров партии, которые определяли политику государства в области культурных преобразований. Среди партийных материалов особое место принадлежит основополагающим актам партии большевиков: резолюциям, постановлениям, решениям съездов и конференций. Представленные, в основной своей массе, в сборниках документов и публикациях периодической печати 1920-х годов, они вызывают интерес как источник выявления целей, задач, основного содержания культурной политики правящей политической партии. Документы партийных органов не просто отражают позицию политического руководства по вопросам культурной политики, но позволяют сформировать общее представление о роли культуры в деле построения общества нового образца, как это понимали лидеры партии.

Определенный интерес в данной группе источников представляют постановления, решения, протоколы заседаний местных

партийных органов: Уральского обкома ВКП(б), Тюменского, Тобольского, Ишимского окружных комитетов партии, Тюменского губкома РКП(б), уездных парткомов. Частично опубликованные, но в основном хранящиеся в архивах, эти документы позволяют представить динамику партийного руководства культурной сферой.

Одной из наиболее обширных по объему является делопроизводственная документация высших и местных органов управления, которые осуществляли непосредственную реализацию решений и указаний центральных структур власти. Особый интерес для нас представляли документы и материалы отделов народного образования, комитетов по просвещению, организаций занимающихся культурно-просветительской деятельностью. Многочисленные нормативные источники, резолюции, постановления, отчеты, циркуляры, протоколы, стенограммы, планы мероприятий и отчеты о проделанной работе позволяют проследить основные формы и методы работы, которые применялись местными структурами в отношении к массовым учреждениям культуры. Часть документов по интересующим нас вопросам, в свое время, была опубликована в сборниках документов по культурному строительству¹⁸, однако эти документы позволяют составить лишь общее представление о процессах культурных преобразований в 1920-х годах.

Специфическую группу источников составили статистические материалы¹⁹, которые позволяют судить о динамике численности неграмотного населения на изучаемой территории, социальном составе неграмотных, общем количестве работников занятых в культурной сфере, состоянии материальной базы и численности учреждений культуры. К числу документов, составляющих данную группу источников, прежде всего, следует

¹⁸ Культурное строительство в СССР: Статистический сборник. М., 1958; Товарищ Комсомол. Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. Т. 1. 1918–1941. М., 1969; Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. документов (1917–1973 гг.). М., 1974; Из истории культурного строительства в Тюменской области: Сб. документов 1918–1975 гг. Свердловск, 1980; КПСС о культурно-просветительной работе: Сб. документов. В 2-х ч. М., 1981; История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997.

¹⁹ Всероссийская перепись населения 1926 г. Т. 1–4. М., 1928.

отнести переписи, обследования, сводные данные текущей статистики. Однако, при привлечении документов этой категории нами делалась определенная сноска на общее качество информации содержащихся в них. Дело в том, что анализ материалов показал определенные не соответствия указанных цифр и действительного положения дел. Кроме того, не всегда статистические обследования проводились регулярно и в полном объеме, что отразилось на полноте имеющейся информации.

Значительное место вопросам культурного строительства отводила на своих страницах центральная и местная периодическая печать. В газетах и журналах публиковались, помимо официальных документов, касательно задач партии и правительства по культурному строительству, материалы о деятельности местных учреждений культуры и просвещения, освещались проблемы, с которыми приходилось сталкиваться в повседневной работе местным органам власти. В этой связи, данные материалы, послужили важным источником по выявлению расхождений в понимании сути и методов культурных преобразований в стране между представителями центра и местных структур власти. При этом, безусловно, нами учитывался характер опубликованных материалов, условия цензурного пространства, в которых существовали все органы печати в советской России.

Совокупность изученных документальных источников, литература по вопросам культурного строительства в нашей стране, в годы большевистского правления, оказались достаточными для решения поставленных целей и задач и написания данного диссертационного исследования.

Апробация результатов исследования. Содержание диссертации отражено в ряде работ. Основные положения диссертации были представлены на XXXVII Международной научной студенческой конференции (Новосибирск, 1999); Всероссийской конференции «Культурологические проблемы развития региона» (Тюмень, 1999); Региональной научной конференции «Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика» (Новосибирск, 2000). Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, двух глав, каждая из которых разделена на параграфы, заключения, списка источников и литературы, приложений.

Во введении обосновывается актуальность темы, анализируется степень ее разработанности, формулируется цель и задачи работы, определяются ее территориальные и хронологические рамки, характеризуются методология и источниковая база диссертационного исследования.

В первой главе «Становление и развитие структуры местных органов управления культурой» рассматривается процесс формирования системы органов управления народным образованием и культурно-просветительной сферой с момента прихода большевиков к власти и до начала тридцатых годов.

Во главе всей системы руководства стоял Народный Комиссариат Просвещения (НКП), который провозгласил в качестве первоочередной задачи объединение всех направлений культурных преобразований в едином центре. Непосредственная деятельность НКП и его подразделов осуществлялась через губернские, уездные и волостные отделы народного образования (ОНО). В качестве связующего звена губернского центра с местными работниками просвещения выступали губернские инструкторы. Приоритет централизованного управления над инициативой местных структур в конечном итоге привел к созданию системы управления построенной по принципу «сверху-вниз». Обладавшие, на первых порах, определенной самостоятельностью местные структуры управления в лице ОНО очень быстро утратили ее и оказались под жестким контролем партийных организаций. Существенные коррективы в процесс формирования местных органов управления оказывала гражданская война. Концентрация власти в руках ревкомов послужила основой для широкого распространения методов руководства присущих военному времени.

Общественные организации (профессиональные союзы, кооперативные организации, ОДН и другие) так же находились под пристальным контролем партии и Советов. Хотя формально они не входили в систему государственных органов управления культурой, они были вынуждены вести пропаганду официальной идеологии и оказывать всестороннюю поддержку государственным структурам.

Период НЭПа оказался лишь кратковременной задержкой в решении стратегической задачи большевиков укрепить свою власть и обеспечить внедрение в массовое сознание жестко идеологизированные образцы социалистической культуры. Достижение этой задачи напрямую связывалось с эффективностью работы всей системы управления учреждениями культуры. Активизация ее деятельности должна была осуществляться за счет начавшейся реорганизации органов управления, которая предусматривала сокращение числа подотделов ОНО, уточнения компетенции и методов взаимодействия между структурными подразделениями. Стержнем системы управления стали командно-административные методы руководства. Подобный стиль руководства породил целый ряд особенностей взаимоотношений между органами управления различного уровня. На первое место выдвигался авторитет власти, основанный не на знании, а на силе, пренебрегавшей объективным анализом действительности и учетом реальной ситуации. Созданная структура местных органов управления культурой, которые были полностью подконтрольны партийным организациям, вполне соответствовала сложившемуся в государстве распределению властных полномочий. Вместе с тем, условия экономического кризиса показали определенную несостоятельность губернских властей в вопросах сохранения низовых органов управления. Наиболее ярко это проявилось в упразднении волостных ОНО, что привело к разрыву взаимосвязи между массовыми культурно-просветительными учреждениями и губернскими органами управления.

Существенное влияние на формирование местных органов управления оказывал характер кадровой политики. Привлечение к работе старых служащих, вызванное недостатком профессиональных работников, компенсировалось назначением на руководящие и ответственные посты представителей РКП(б). Процесс обновления кадрового состава ОНО, начавшийся в середине 20-х гг., закрепил в кадровой политике принцип социальной и партийной принадлежности. Таким образом, формирование системы управления народным образованием осуществлялось под жестким контролем партийных структур, а ее деятельности была направлена на проведение в жизнь официальной политики государства.

Не менее существенное давление партийных структур испытывали органы руководства культурно-просветительской работой. Стремление сосредоточить контроль над деятельностью культпросвет учреждений в одних руках, привело к созданию в ноябре 1920 года Главного политико-просветительного комитета (ГПП). В структуре местных ОНО создавались соответствующие отделы. Новый орган управления находился в двойном подчинении — с одной стороны, выполнял распоряжения Наркомпроса, с другой АПО ВКП(б). Главная задача ГПП и его органов на местах заключалась в проведении агитационно-пропагандистской и культурно-просветительной работы среди беспартийного населения, содействии парткомам в повышении политического уровня членов партии. В Тюменской губернии политико-просветительный комитет был сформирован в конце декабря 1920 года. Под его контроль перешло 1225 учреждений культуры.

Реорганизация системы политпросветов, начавшаяся в период перехода к НЭПу, была связана с ее дальнейшей централизацией. Однако, как показала практика, усиление вертикали управления привело к формализации работы массовых культпросвет учреждений.

Существенное влияние на деятельность учреждений культуры в деревне оказывал созданный в рамках ГПП отдел изб-читален. Под руководством отдела в районных избах-читальнях создавался совет работников избы-читальни, в обязанность которого вменялось проведение политико-просветительских мероприятий в районе и волости. Вместе с тем, расширение функций политпросветов привело к передаче части полномочий АПО партийных комитетов, в рамках которых оформлялись комиссии по отдельным разделам работы. Данный шаг свидетельствовал о сращивании государственного и партийного аппаратов. В результате под контролем партии оказались все отрасли культурного строительства. Тотальный контроль позволил не только влиять на процессы изменения культурной среды, но и направлять их в соответствии с конкретными идеологическими установками.

С реорганизацией Наркомпроса в 1930 г. и ликвидацией ГПП местные политпросветы упразднились, а сеть массовых культурно-просветительных учреждений была расформирована между аппаратами ОНО.

Во второй главе «Основные направления деятельности органов управления культурой» рассматривается массовая культурно-просветительная работа, проводимая государственными и общественными организациями. Наиболее ярко она проявилась в сфере ликвидации неграмотности населения и культурно-просветительной деятельности изб-читален в сельской местности. Два этих направления во многом были взаимосвязаны и дополняли друг друга. Основу внешкольного просвещения, получившего название культурно-просветительной, а затем политико-просветительной работы, составила деятельность по ликвидации неграмотности среди взрослого населения страны.

Первоначально на решение задачи ликвидации неграмотности правительство отводило от трех до пяти лет. Сжатые сроки определялись политическими причинами. Провозгласив борьбу с неграмотностью своей приоритетной задачей, большевики получили широкие возможности для активного влияния на формирование политических представлений граждан, положительного общественного мнения к идеям большевизма, и, тем самым, укрепления своих позиций.

Стремление властей в кратчайшие сроки приобщить население к элементарным знаниям, вовлечь его в культурную сферу, предопределило методы работы. Наиболее распространенными стали принудительные, административные меры. Обучение неграмотных в школах ликбеза стало обязательным, а уклонение от посещения занятий каралось денежными штрафами, принудительными работами, лишением продовольственных карточек, переводением в низшую продовольственную категорию. Несмотря на замечания центральных властей о недопустимости подобных мер, они получили широкое распространение. Помимо учительства, к работе по ликвидации неграмотности привлекалось все грамотное население страны. Не умаляя положительного значения подобного шага, необходимо все же отметить, что вовлечение в процесс обучения людей с низкой профессиональной подготовкой существенно снижало уровень проводимой работы. Однако, «марш бросок», на который делали ставку советские и партийные структуры, не удался. Обязательства, которые брали на себя губернские власти, были заведомо невыполнимы. Например, по плану, принятому в 1920 г. Тюменским губиспол-

комом и рассчитанному на три года, на одного ликвидатора приходилось 447 неграмотных. Завышение планов работы, в угоду центральным властям, их несоответствие реальным возможностям местных организаций, приводило к их неоднократному пересмотру. Подведение первых итогов мероприятий по ликвидации неграмотности выявило фактический провал плана ликвидации неграмотности в Тюменской губернии, показало что быстрого решения данной проблемы быть не может.

Вместе с тем, органы просвещения и культурно-просветительной работы накопили богатый опыт работы в этом направлении. Центральным органам просвещения, совместно с местными структурами удалось выработать определенные приемы и методы работы по ликвидации неграмотности, приспособить их к местным условиям и особенностям. Это позволило в дальнейшем расширить объем проводимой работы, привлечь к вопросам ликвидации неграмотности широкие круги общественности и органы власти

Ослабление деятельности в направлении ликвидации неграмотности произошло в период НЭПа, когда, помимо сокращения финансирования, произошел роспуск местных ЧК(л/б). Этот шаг поставил под угрозу работу существующих пунктов и школ ликбеза. С целью сохранения достигнутых прежде результатов, советские и партийные власти прибегли к испытанным административным мерам — назначению на руководящие посты представителей партии и ужесточению контроля над деятельностью учреждений по ликвидации неграмотности.

По мере выхода из кризиса и укрепления советской власти, большевики, без опасения за прочность своих идеологических позиций, сочли возможным привлечь к работе по ликвидации неграмотности более широкие круги общественности. В губерниях и уездах, создавались отделения общества «Долой неграмотность», а на предприятиях и в войсковых частях — ячейки, которые подчинялись губернским, либо уездным организациям. С одной стороны, создание добровольного общества должно было активизировать работу государственных структур занятых в системе ликвидации неграмотности, с другой стороны этот шаг можно расценить, как попытку государства перераспределить груз ответственности за срыв планов ликвидации неграмотности с обществом.

Изменение экономической и внутривластной ситуации в стране привели политико-просветительные организации к выводу о необходимости изменения форм проведения работы, о переходе к более спланированным и последовательным мероприятиям. В сфере искоренения неграмотности, начиная с 1928 года, широкое распространение получил «культурный поход», который позволил, в определенной степени, отказаться от чрезвычайных мероприятий и развернуть работу в плоскость всенародного движения. Вместе с тем, начавшись, как общественная инициатива, культпоход превратился в плановую акцию, осуществляемую под контролем партийных органов, и, приобретала политическую окраску. Мероприятия конца 20-х годов способствовали окончательному осознанию, что обучить грамоте все население страны за короткий срок невозможно. Необходимо было сформировать целостную концепцию ликвидации неграмотности. Такая концепция была выработана лишь к концу 1929 года, а в ее основу положены принципы классового подхода. Выделение особых групп граждан, обучение которых должно было осуществляться в первую очередь — батраков, членов коллективных хозяйств, рабочих и всех членов РКП(б), экономически активного населения в возрасте до 50 лет, связало воедино соображения экономики с основополагающими принципами большевистской политики, задачами создания социальной базы новой власти.

Таким образом, одна из приоритетных задач, которую поставило перед собой советское правительство и партийные организации, в течение первого десятилетия не была решена окончательно. Реализация программ ликвидации неграмотности затруднялась поспешностью проводимых мероприятий и преобладания, особенно на первом этапе работы, чрезвычайных мер. Попытки одним рывком искоренить невежество населения, без полноценного финансирования со стороны государства, не могли служить прочным основанием для ликвидации неграмотности. Уже на стадии обучения элементарным знаниям, большевики активно внедряли в общественное сознание, политические установки и ориентиры, которые вели к разрушению традиционной культуры. В этом смысле, ликвидация неграмотности была тесным образом связана с решением политических задач РКП(б).

Подавляющую часть населения в рассматриваемом регионе составляли крестьяне и перед органами управления культурой

была поставлена задача формирования сети культурно-массовых учреждений в деревне. Необходимо было создать своеобразный «культурный очаг», который бы выполнял максимально широкий круг политико-просветительных задач. Такими центрами в течение 1920-х годов стали избы-читальни. Деятельность изб-читален происходила на основе положения «О волостной избе-читальне», разработанном Главполитпросветом в 1924 г. Мероприятия, проводимые избы-читальней осуществлялись в тесном взаимодействии с городскими политико-просветительными организациями и при поддержке партийных и советских органов власти. Будучи непосредственно связанными с крестьянами, работники изб-читален оказывали им всемерную поддержку в деле повышения общего культурного уровня, являлись проводниками новых идей ведения хозяйства, внедрения новой агрономической культуры. Деятельность изб-читален способствовала вовлечению крестьянства в активную общественную жизнь через участие в различных культурно-массовых мероприятиях. Тяга крестьян к знаниям выразилась в положительном отношении к избам-читальням, желании иметь таковую в своей деревне.

Вместе с тем, партийные структуры рассматривали избы-читальню в качестве главной агитационно-пропагандистской базы в деревне. Являясь проводником политики советского государства и партийных решений деятельность изб-читален разрушала традиционные ценности русской деревни, внедряла в массовое сознание идеи навязываемые сверху. Создание изб-читален и организация их деятельности отражала потребность большевиков развернуть широкую политическую агитацию среди той части населения, которая весьма настороженно относилась к новой власти. Интенсивная пропаганда идеалов социалистического общества, к которому стремились советские лидеры, через культурно-просветительные учреждения, рассматривалась, как наиболее эффективная и способствовала укреплению власти большевистской партии в деревне.

Политика в сфере просвещения, проводимая большевистской партией, была ориентирована на отдельную личность, поскольку именно она определяет облик господствующей в обществе культуры. Главной целью, открыто провозглашенной ВКП(б), было воспитание, формирование человека нового образца, осво-

божденного от «буржуазного прошлого». Вместе с тем, власть не стремилась к подлинному распространению знаний, повышению общего культурного уровня населения страны. В определенной степени осуществление этих задач даже препятствовали решению главной — идеологического овладения массами и увеличения числа своих сторонников. Деятельность массовых учреждений культуры, в этом смысле, наиболее адекватно соответствовала стратегическим целям большевистской партии. С одной стороны власть стремилась расширить сеть доступных «очагов культуры», с другой — с их помощью способствовать распространению официальной идеологии. Насаждение этой идеологии через все доступные культурные учреждения, начиная с кружков по ликвидации неграмотности, являлось фундаментом официальной государственной политики в сфере культуры. Массовая, хорошо организованная пропаганда, обращенная к самым глубинным стремлениям человека — к лучшей жизни, счастью, благополучию, способствовала победе большевиков в борьбе за сознание населения, содействовала упрочению большевистской идеологии.

В заключении диссертации подводятся основные итоги исследования. Крупные социально-экономические сдвиги, произошедшие в России в послеоктябрьский период, положили начало глубокой трансформации духовной сферы российского общества. Силы, пришедшие к власти, выдвинули в качестве основной идеи — идею уничтожения старой «буржуазной» культуры. Реализация поставленной цели была невозможна без создания целостной системы управления учреждениями культуры и координации их деятельности. В процессе становления местных органов управления культурой можно выделить два этапа.

На первом этапе система органов управления отличалась чрезвычайной разветвленностью и отсутствием четкой координации в их работе. Вопросы управления культурой находились в ведении нескольких ведомств, центральное место среди которых занимал Наркомпрос. Местные органы были представлены отделами народного образования, система которых в Тюменской губернии сложилась к 1919 году. Кроме того, само государство еще не до конца сформулировало свою позицию по поводу форм и методов

проводимой работы, предпочитая предоставлять инициативу массам. Негативный отпечаток на формирование системы органов местного управления культурой оказали условия военного коммунизма, внося в работу элементы излишнего административного давления.

Второй этап соответствует оформлению основополагающих принципов большевистского стиля руководства. На первый план была выдвинута задача реорганизации органов управления культурой, унификации их структуры. Данная тенденция соответствовала стратегической цели — упрочению вертикали власти в условиях набирающих силу «буржуазных» отношений. Временные «отступления и уступки» в экономической сфере лишь еще в большей степени усилили контроль в сфере идеологии. Период 1920-х годов характеризовался увеличением роли партийных структур в организации работы в области просвещения и культурно-просветительской деятельности. В основу был положен принцип партийного руководства, непосредственное осуществление которого возлагалось на специально создаваемые агитационно-пропагандистские отделы при партийных комитетах всех уровней. Осуществляя общее политическое руководство, агитпропы оказывали непосредственное влияние на повседневную деятельность учреждений культуры.

К концу 1920-х годов в советской России были достигнуты существенные результаты по отдельным направлениям культурно-просветительной деятельности. Однако, не смотря на усилия многочисленных организационных структур, созданных за первое десятилетие большевистского правления, окончательного решения наиболее существенных проблем в области культурного строительства достигнуто не было. Вместе с тем, созданная система органов государственного руководства культурой весьма эффективно обеспечивало решение главной задачи — распространение и закрепление в массовом сознании большевистской идеологии. Являясь по существу одним из звеньев общегосударственной административно-командной системы управления местные органы руководства культурой способствовали становлению тоталитарного государства, формируя идеологическую ориентацию и политическую позицию различных социальных групп.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:

1. Савельев Д. Л. Система государственного управления культурой в период перехода к НЭПу в Тюменском крае (1921–1923 гг.) // Словцовские чтения–98: Материалы к научно-практической конференции. Тюмень, 1998. С. 95–97.
2. Савельев Д. Л. Формирование новой идеологической доктрины в сфере управления культурой в 20-е годы // Материалы XXXVII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 1999. С. 86–89.
3. Савельев Д. Л. Становление системы государственного управления в Тюменском крае (1917–1921 гг.) // Тюменский исторический сборник. Вып. 3. Тюмень, 1999. С. 150–155.
4. Носова Н. П., Савельев Д. Л. Иллюзия свободы: партийно-государственное руководство советской культурой в 1920-е годы // Тюменский исторический сборник. Вып. 3. Тюмень, 1999. С. 75–82.
5. Савельев Д. Л. Местные цензурные органы как элемент управления культурой в советской России (1920-е гг.) // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика. Материалы региональной научной конференции. Новосибирск, 2000. С. 92–94.
6. Савельев Д. Л. Местные органы Главлита — основа политической цензуры в сфере культуры (1920-е гг.) // Тюменский исторический сборник. Вып. 4. Тюмень, 2000. С. 76–81.

Соискатель

Д. Л. Савельев

ЛР 020405 от 14.05.97

Подписано в печать 16.04.01. Тираж 100 экз.

Объем 1,0 уч.-изд. л. Формат 60x84/16. Заказ 148.

Издательство Тюменского государственного университета
625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10.

